Автор: admin
02.10.2011 16:08 - Обновлено 31.10.2014 06:55

Откуда ты, Лора?

Мы невзлюбили эту женщину с первого дня, как только она появилась в офисе. Женщину звали Лора, и была она длинной, сутулой и близорукой. Этакой побитой молью канцелярской мышью из совдеповских времён. Так нам казалось.

Лора тихонько сидела у себя в уголке, что-то там печатала на компьютере, то и дело получая выговора от начальства. После выговора она пряталась за монитором и всхлипывала, печально моргая полными слёз, неестественно огромными за толстыми линзами очков, глазами. Эти мокрые глаза наводили на окружающих тоску и раздражали неимоверно. Чего реветь? Не умеешь работать – не лезь, куда не следует! И вообще, зачем её взяли на работу? Специалист из Лоры никакой, к обучению явно не стремится, за что получает зарплату – непонятно!

Раздражение вызывали и её сыновья, всё время звонившие в офис, и её привычка, угодливо согнувшись, клянчить рубчик на дорогу, и неуклюжесть, и всё – всё – всё. Даже длинная, ниже пояса, толстая коса. Коллектив жесток. Уж если кого-то не примет, не простит ничего!

Однажды Лора опрокинула чашку с кофе на моём столе. Случайно. Подошла с каким-то вопросом и задела чашку локтем. Как я верещала, собирая испорченные бумаги, как кричала, что подобным коровам не место в приличных заведениях, как вопила, что давно пора от неё избавиться, и как злорадствовали при этом окружающие! Вот, мол, наконец-то получила по заслугам, мышь потрёпанная!

Лора тогда промолчала. Только наклонила голову и поспешила спрятаться за своим монитором. А я даже не попыталась извиниться. Поделом ей!
Личной жизнью Лоры никто не интересовался. Какая может быть личная жизнь у такого синего чулка? Явно ничего особенного, яркого, запоминающегося! Огромной любви, к примеру! Наверняка, муж – неудачник, или пьяница! Почему-то же клянчит всё время деньги на дорогу!

А она и не пыталась никому ничего рассказывать. Молча приходила, молча отсиживала положенное время, и тихо уходила. В конце концов, мы привыкли к её присутствию и

перестали замечать…

Однажды вечером она встала из-за своего стола, и, виновато глядя на нас близорукими глазами, сказала:
– Девочки! Приглашаю всех… К себе. Годовщина смерти моего мужа. Знаю, не принято. Но… Не отказывайтесь. В память о нём… А?
Странное приглашение ошеломило всех. И, видимо, от этого ошеломления, а может, в память об этом, незнакомом нам муже, мы пошли.

Первое же, что мы увидели в квартире Лоры, сильно поколебало наши сомнения в примитивности этой женщины. Во-первых, квартира была обставлена добротной современной мебелью, блестела чистотой и, что самое поразительное, – в одной из комнат обнаружилась роскошная библиотека из редких фолиантов. Эти-то вот фолианты нас и доконали. Мало кто может похвастаться столь изысканной подборкой книг!

В довершение всего стол был накрыт очень хорошо. Поминки – не свадьба, люди обычно отделываются традиционными для такого случая блюдами, а здесь… Хозяйка не поскупилась.

За стол все уселись молча, смущаясь от неожиданного гостеприимства. И после очередной фразы «пусть земля будет пухом», я, наконец, решилась спросить:
– Лора, что с ним случилось? Ведь не старый вроде!
Все замерли, ожидая, что она расплачется. Вопреки ожиданию, Лора спокойно сказала:
– Рак головного мозга. Он долго лежал. Потом умер.
– В больнице? – просто так, чтобы поддержать разговор, поинтересовалась я.
– Почему в больнице? – удивилась Лора. – Дома! Как же я его в больницу отправлю! Он же мой муж!
– Сколько же вы прожили?
– Ой, трудно сказать! – вдруг засмеялась Лора, – Прожили в браке пятнадцать лет. А вообще… С первого класса – за одной партой! И в институте вместе! И всё время – вместе! Он у меня знаете, какой… Красивый такой! Да вот же он!

Она кивнула на стену. С фотографии улыбался молодой черноглазый мужчина. Улыбался безмятежно, тепло, любовно…
– Красивый, – тихо сказала я.

– Да, очень! – подтвердила Лора, внезапно засветилась, похорошела, и, смущаясь, сказала, – Он так меня любил, так любил! Знаете, девочки, вот идём с ним по городу, а он мне: «Лорка, ты такая замечательная! Сколько смотрю по сторонам – ни одной похожей нет!»

Глаза её за толстыми линзами стали мечтательными, яркими и необыкновенно красивыми. Чёрт, и как же мы раньше не замечали такого ошеломительного, неистребимого внутреннего света? «Серая мышь»… Надо же!

– Это теперь я такая! – продолжила Лора, – В очках вот… Похудела сильно… Бестолковая такая… Да знаю, знаю, вы все так считаете! Только раньше вот… Когда он со мной был, мы так хорошо жили! Зарабатывали, детей растили, в отпуска ездили… Так хорошо! Всегда вместе – и на работе, и дома! А потом…

Она замолчала. То ли вспоминала, то ли не решалась рассказывать дальше.
– Потом ему вдруг плохо стало. Прямо на работе. Сознание потерял, отвезли в больницу, а там… Сделали снимок. Опухоль. Злокачественная. Неоперабельная уже. Месяц, два, сказали, протянет, и всё.

Лора опустила голову, вздохнула и встрепенулась:
– Да вы ешьте, ешьте! Вам, наверное, неинтересно, а я тут… Со своими воспоминаниями!
– Нет, Лора, ты рассказывай! – попросила я, – Ради него собрались тут… Рассказывай дальше!
– Ну, а дальше… Что дальше? Предложили в больнице оставить. Всё равно уже, мол. А я не смогла. Как же он там умирать будет, чужие люди вокруг! Забрала… Домой забрала. С работы уволилась, чтобы смотреть за ним. Денег немного у нас было, на лекарства ушли, на уколы. Я уколы сама научилась делать, чтобы лишнее не платить! Вот… Плохо жилось. Никто не помогал, никто.

– А родственники? – удивилась я, – Как же родственники? Мать, отец…. Или нет никого?
– Почему нет? Есть. И мать, и отец, и две сестры. Только они хотели его в больнице оставить. Ругали меня, что забрала. Потому и не помогали. Считали, что мы слишком хорошо жили, так что выкручусь как-нибудь! А у нас ничего и не было. Так, ерунда всякая! Ну, продала я кое-что. Хотела книги продать, они дорогие, но он не разрешил.

Говорил, пусть детям останутся. Вот и остались. Как память. А вещи свои я тайком всё же толкнула. По дешёвке, но на лекарства хватило. И, знаете, девчонки, ему лучше стало! Боли прошли, улыбаться начал! Я так обрадовалась, думала, врачи ошиблись! Они, и правда, ошиблись. Он не два месяца прожил. Два года. Последний год всё худел, худел, такой стал… Лёгкий, как ребёнок. Сильные боли были, но он терпел. К стенке отвернётся и стонет тихонечко, чтобы я не видела. А я всё замечала. Но помочь-то чем? Сижу на кухне, и реву, и реву, реву… Оттого и ослепла вот теперь. И всё равно надеялась – вдруг выживет? Ну, всякое же бывает, правда? А потом … Как-то выскочила на базар, вернулась, а он… Всё уже. Так внезапно. Я всё думаю, что он сам. Экспертизу-то не проводили. Рак и рак. Наверное, напился таблеток. Чтобы нас больше не мучить. А?

Лора беспомощно обвела нас глазами и повторила:
– Сам, наверное? Ну, зачем, зачем?! Может быть, и обошлось бы, может быть, и выжил бы!

Мы потрясённо молчали. Она всё ещё верит, что могла спасти любимого! Она до сих пор не может смириться с его смертью! Боже мой, боже мой! Как же непредсказуема жизнь! И как бывают жестоки люди…

Мы расходились, пряча друг от друга глаза. Понимали, что кто-то должен был сказать: «Прости нас, Лора!». Понимали и молчали.
На пороге я всё же обернулась к ней и тихо произнесла:
– Прости нас, Лора! Ты на нас не обижайся! Мы же не знали!
– Обижаться? – изумилась Лора, – За что? Разве вы в чём-то виноваты?

Такая вот история. Лора давно уже не работает с нами, но вот ведь что интересно – мы стали деликатней и сдержаннее. Причём произошла эта метаморфоза незаметно и, как ни странно, без особых усилий с нашей стороны. Нет, желание нагрубить порой возникает, конечно. Однако мгновенно вспоминается неуклюжая сутулая женщина с добрыми, неестественно увеличенными линзами очков, глазами, и злые слова, готовые сорваться языка, куда-то исчезают. На смену такому неудержимому, казалось бы, стремлению обидеть приходит чувство вины за одно только возникновение этого стремления. И очень хочется ещё раз сказать: «Прости нас, Лора!»

Автор - **Ольга Кочева**

Источник